

Город Байюй не был столицей Бяньюэ, но по праву считался одним из крупнейших центров страны. Правил здесь циньван, двоюродный брат нынешнего государя, и благодаря процветающей торговле Байюй утопал в роскоши.

Когда Цай Ань упомянул название столицы Бяньюэ, Лун Юй нервно поморщился. Ему отчаянно хотелось взвыть: «Ну за что мне всё это?!»

Бяньюэ и впрямь была богатой страной, но и в города её пускали далеко не каждого. Путники прибыли к самым отдаленным западным воротам. Время было ни раннее, ни позднее, на дороге — ни души, кроме их экипажа, и стража, от нечего делать, решила пойти на хитрость.

— Что ты сказал? — А-Мо возмутился первым, едва стражники преградили им путь.

— Подорожную, рекомендательное письмо и пятьдесят лянов серебра за въезд, — стражник смерил парня пренебрежительным взглядом, мысленно обзвав его деревенщиной.

— С подорожной и письмом всё ясно, но пятьдесят лянов?! Это что за грабёж среди бела дня?
— А-Мо едва не задохнулся от возмущения. Пятьдесят лянов! На эти деньги крестьянская семья могла пять лет безбедно жить и построить приличный дом. А тут какой-то караульный требует целое состояние просто за вход!

— Цена такая. Не нравится — проваливай! — огрызнулся стражник.

Глухой удар — и из окна кареты прямо к ногам наглеца вылетела золотая табличка. Тяжелый металл звякнул о камни. На лицевой стороне красовались девять искусно вырезанных драконьих голов, на обороте — единственный иероглиф: «卐» (Цзянь)!

Стражник мгновенно взмок от холодного пота. Ноги его подкосились, и он едва не рухнул на колени.

— Прошу прощения... я не знал, что едет господин... — пролепетал он.

— Забери эту побрякушку и верни своему правителю, — ледяной голос Яи донесся из глубин экипажа.

— Пощадите, господин! — на этот раз страж повалился в пыль по-настоящему. Он проклинал свою алчность. Другие караульные обдирали путников по мелочи — набавляли сверху сотню-другую медных монет, и богачи обычно не спорили. Но он, ослепленный видом дорогого экипажа, заломил несусветную цену и в итоге наткнулся на ту, перед которой трепетала сама корона.

Эта золотая табличка, по слухам, была навязана самому Владыке Преисподней государем Бяньюэ. Правитель уверял, что её обладатель — величайший из мастеров, способный видеть

прошлое и будущее. Был ли он истинным провидцем или нет, стражника не заботило: человек с таким знаком — гость самого императора, и о его прибытии нужно немедленно доложить главе города.

Стражник уже открыл рот, чтобы принести нижайшие извинения, но тут из кареты раздался другой голос:

— Раз уж она тебе так не нравится, не стоило её выбрасывать. Теперь все знают, где мы. Если не нужна — отдай мне, я её переплавлю. Зачем добром разбрасываться?

— Всё, что пожелаешь, радость моя, — в голосе Яи проскользнули нежные нотки. — Хочешь, закажу тебе золотые палочки для еды?

— Ты ведь нарочно это делаешь? — Лун Юй явно был не в духе. — Золото руку тянет, оно тяжелое и безвкусное.

— Я сам буду тебя кормить, обещаю, тебе даже касаться их не придется. Как тебе такая затея? — голос Яи стал совсем уж вкрадчивым.

— Еще предложи набить мне подушки золотыми монетами для пущего паскудства! — Лун Юй одарил его колючим взглядом.

— Любой каприз, лишь бы ты улыбался.

— Скотина бесстыжая... — беззлобно выругался Лун Юй, не сумев сдержать улыбки.

— Для тебя — кто угодно. Совесть нынче недорого стоит, почему она там за фунт?

— Хватит паясничать, поехали в город. Скоро стемнеет, — поторопил его Лун Юй.

Яи что-то прошептал ему на ухо, и снаружи было слышно лишь короткое «Животное...», а следом — раскатистый, искренний смех Владыки.

— Цай Ань, подбери табличку, приведи её в порядок и едем, — распорядился Лун Юй, вновь обретая спокойствие.

— Слушаюсь.

Цай Ань взмахнул рукой, и золото само прыгнуло к нему в ладонь. Еще один неуловимый жест — и стражник замер, его взгляд остекленел. Когда он пришел в себя, то не смог вспомнить ничего из произошедшего за последние несколько минут. У ворот было пусто, словно никакой

кареты и не существовало.

Уже в городе Лун Юй вертел в руках золотую дощечку, щурясь на солнце.

— Тот правитель... он что, положил на тебя глаз?

— Милый, моё сердце принадлежит только тебе! — тут же отозвался Яи.

— Тогда почему ты не отказался от подарка?

Яи молча указал пальцем на крышу кареты. Лун Юй помрачнел. Он понял — дело было не в крыше, а в Небесах. Очередной долг из прошлых жизней, кармический узел, который нельзя просто обрубить.

Лун Юй на миг помрачнел, но тут же он весело усмехнулся. Сгусток магической силы сжал золото, и в мгновение ока табличка превратилась в двадцать изящных монет с пожеланиями мира и радости. Как только карета двинулась по улицам, Лун Юй начал одаривать ими каждого нищего, сидевшего у стен. Когда последняя, двадцатая монета нашла своего обладателя, он повернулся к Яи с торжествующей улыбкой:

— Вот и всё. Твой долг я оплатил.

— Ты у меня самый лучший! — Яи не скупился на похвалу. Такой изящный способ вернуть кармический долг даже Небеса оставят ни с чем. И как он сам до этого не додумался?

— Молодой господин, куда теперь? — спросил снаружи Цай Ань.

— Найди место для стоянки и разыщи маклера. Нужно присмотреть лавку для дела, — не задумываясь, ответил Лун Юй.

Экипаж остановился перед элитным трактиром. Подбежал слуга, чтобы принять лошадей. Когда Яи вышел и подал руку Лун Юю, помогая ему спуститься, прислужник изумился, но тут же скрыл это, низко поклонившись.

Едва они направились к дверям, какой-то человек бесцеремонно оттолкнул Лун Юя, прокладывая себе путь. Он лишь недовольно поморщился, а незнакомец еще и огрызнулся, обернувшись:

— Чего уставился? Фэнтяня никогда не видел?!

Лоб этого субъекта был высоким, а прямо по центру красовалась метка в виде капли золотисто-

серебряной жимолости. Глаза у него были бы и впрямь красивы — миндалевидные, с тонким изгибом бровей, — если бы не крошечные зрачки и избыток белка, придававшие взгляду злобное выражение.

Не успел он договорить, как, заноса ногу над порогом, с размаху растянулся на полу, впечатавшись лицом в доски.

Цай Ань, стоявший за спиной Лун Юя, сохранял невозмутимый вид, хотя именно его нога мгновение назад преградила путь наглецу. А-Мо во все глаза смотрел на эту картину. Всё произошло так быстро, что обычный человек решил бы, будто господин просто оступился.

«Коварно... Очень коварно», — подумал А-Мо.

— Ой! Да помогите же мне! — завизжал упавший. Слуги бросились его поднимать. — Где ваш управляющий?! Зовите его сюда! Вы специально пороги такими высокими делаете, чтобы почтенных людей калечить? Я, Фанг Лоян, этого так не оставлю!

Услышав это имя, Лун Юй едва сдержал гримасу. Лоян? Кто додумался назвать человека именем древней столицы? Это всё равно что назваться «Великим Имперским Городом».

— Поговаривают, что фэнтяни с такими метками либо Лояны, либо Фугуи, — негромко пояснил Цай Ань.

Лун Юй покачал головой.

«Хочет быть королем цветов, а судьба-то не тянет». Если имя слишком громкое, а дух слаб — оно раздавит своего владельца.

— Пойдем присядем, — Яи, не обращая внимания на вопли Фанг Лояна и заискивания трактирщика, повел Лун Юя к свободному столу. А-Мо отправили на улицу искать маклера, а Цай Ань принялся доставать чайные принадлежности.

Управляющий, пообещав Фанг Лояну лучший кабинет и стол за счет заведения, наконец сумел спровадить скандалиста наверх.

Чай Цай Ань заваривал просто, но то, что пил Лун Юй, никогда не было заурядным напитком. Едва кипяток коснулся листьев, по залу разлился такой густой и чистый аромат, что лавочник Сунь — хозяин заведения — замер на месте. Только сейчас он заметил двоих гостей, чье благородство и величие невозможно было скрыть. От одного запаха их чая по телу разливалось блаженное тепло.

— Молодой господин, вода здесь посредственная, прошу, не взыщите, — Цай Ань подал чашку Лун Юю. Тонкий красный фарфор почти просвечивал, подчеркивая белизну его длинных,

изящных пальцев, державших чашу.

Тот сделал глоток и удовлетворенно кивнул:

— Есть прогресс. У Сяо Цзина учился?

— Да, — Цай Ань просиял от похвалы.

Лавочник Сунь не выдержал и подошел ближе:

— Господа, простите за дерзость, но где вы берете такой чай? Аромат просто божественный.

Яи промолчал, Лун Юй тоже не спешил с ответом. Цай Ань, расставляя на столе изысканные сладости, небрежно бросил:

— Сами выращиваем.

Угощения выглядели так искусно, что на них жалко было смотреть, не то что есть. Лун Юй уже взял одно пирожное. Цай Ань ловко перекаладывал сладости на блюде так, чтобы оно всегда выглядело полным, а не объедками со стола.

У хозяина глаза загорелись:

— Не согласитесь ли продать немного? Цену дам любую!

Не успели они ответить, как в дверях раздался новый голос:

— Что за сокровище заставило лавочника Суня так пресмыкаться?

Хозяин поморщился, но тут же расплылся в улыбке:

— О, старший молодой господин Шэнь! Какими судьбами?

Лун Юй и Яи обменялись взглядами: лавочник явно не переваривал этого гостя.

— Лоян уже здесь? — Шэнь Вэйи вошел в зал, и все посетители невольно обернулись.

Его парчовое одеяние, расшитое золотом, переливалось в лучах солнца. Волосы были собраны в венец из золота и серебра с красными камнями, украшенный стеклянной шпилькой. Лицо,

густо напудренное жемчужной крошкой, пылало яркими румянами. Глаза — классический «феникс» — были подведены, а маленькие губы накрашены так густо, что блестели. На лбу расцвел пышный пион из золота и серебра.

От его расшитых мешочков исходил такой густой запах благовоний, что уже через минуту в зале стало нечем дышать.

— Ну и вонь! — Лун Юй чихнул, прикрывая нос рукой. В носу нестерпимо зачесалось. Яи тут же принялся обмахивать его веером, а Цай Ань мгновенно выставил на стол крошечную курильницу. Тонкий, сладковато-свежий аромат мгновенно разогнал тяжелое амбре Шэнь Вэйи, принося ясность мыслям.

— Какая прелесть! — воскликнул кто-то из гостей, и остальные согласно закивали.

Шэнь Вэйи нахмурился и замер, не зная, что на это ответить.

<http://bllate.org/book/17533/1707653>